

# Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого по материалам «Вестника РАН»

С.М. Медведева

---

*В статье анализируется стереотипный образ российского ученого, представленный в публикациях РАН. Как показано в исследовании, в рассматриваемых материалах конструируется образ идеального ученого, отражающий наиболее желаемые черты характера, которые делает человека полноценным представителем российской науки, что выражает ценности и идеалы российского научного сообщества. Популяризация подобного образа будет способствовать повышению престижа российской науки и профессии ученого.*

---

В последние годы все чаще поднимается вопрос о необходимости и возможности возродить российскую науку. Причем если в 1990-х гг. перспективы виделись преимущественно в мрачном свете, то в настоящее время мы сталкиваемся с целым спектром позиций, начиная от прохождения российской наукой точки невозврата и полного непонимания ее нужд «в верхах» до весьма оптимистических прогнозов, ссылающихся на существенные финансовые вливания, проект инновационного центра Сколково, программы возвращения отечественных ученых-эмигрантов на Родину и т.п. В принципе подобная тенденция тесно связана с политической конъюнктурой. Коль скоро с конца 1990-х гг. Россия взяла жесткий курс на возрождение своей великодержавной мощи, она должна обладать соответствующим Великой державе научным и интеллектуальным потенциалом.

Оставим, впрочем, на некоторое время в стороне спорный вопрос о финансировании и недофинансировании российских научных проектов и обратимся к субъективной стороне возрождения

российской науки. Речь идет о психологических проблемах людей, которые будут непосредственно участвовать в этом процессе, об их представлениях, ожиданиях, ценностях, паттернах поведения. Очевидно, что без возрождения в умах, никакое объективное развитие и усиление науки в России попросту невозможны. Следовательно, образ российского ученого, изучению которого посвящена данная статья, имеет к субъективной стороне процесса восстановления отечественной науки прямое отношение.

## Теоретические предпосылки изучения образа российского ученого

Вместе с тем вопрос о роли образа ученого в повседневном труде работников различных научных учреждений явно нуждается в уточнении. Для ответа на этот вопрос необходимо указать два аспекта, которые связаны с функционированием образа любой профессиональной или этнической группы, в том числе и образа российских ученых. В первом случае, речь идет об удовлетворенности /

---

**Медведева Светлана Михайловна** – к.полит.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №12-06-00395.

неудовлетворенности, которую испытывает человек, принадлежащий к определенной социальной группе, по поводу своей к ней принадлежности. Особенно подробно этот вопрос был разобран британским социальным психологом Г. Тэджфелом<sup>1</sup>. Тэджфел указал, что наша самооценка непосредственно зависит от того, к какой социальной, этнической или профессиональной категории мы себя относим. Точнее, насколько эта категория представляется статусной и престижной как в наших собственных глазах, так и в глазах окружающих. Соответственно, как отмечает британский ученый, человек может испытывать как позитивную, так и негативную идентичность с группой. Причем негативность или позитивность идентичности зависит не только, и даже не столько, от объективных материальных благ, которыми располагает группа, сколько от ее доступа к моральным ресурсам, под которыми обычно подразумевают статус и престиж. Далее, человек, принадлежащий к престижной группе (или, по крайней мере, считающий ее таковой), испытывает моральное удовлетворение и уверенность в себе. Однако, что происходит с теми, кто в силу обстоятельств оказался членом группы, не вызывающей достойного отношения со стороны общества, а также малопривлекательной с их собственной точки зрения? Самый простой выход – покинуть эту группу. Применительно к научному сообществу в качестве иллюстрации этого принципа можно указать на известную «утечку мозгов» за рубеж, частичный отток на рубеже 1980–1990-х гг. научных кадров в частный бизнес, и в настоящее время слабое пополнение научных коллективов новыми молодыми сотрудниками (что можно рассматривать в качестве завуалированной формы ухода из группы). В случае если уход из группы невозможен, индивид прибегает к различным стратегиям, в том числе бессознательно создавая или поддерживая негативные образы других групп, таким образом, подспудно повышая привлекательность своей группы. Впрочем, в данном контексте данная сторона работы группового образа и групповой идентичности не столь важна. Главное другое. Никакая работа по возрождению отечественной науки невозможна без создания, в том числе позитивного образа научного работника. Разумеется, мы не предполагаем, что привлекательный образ ученого, единственное, что нужно отечественной науке и именно он спасет положение дел. Однако в наш век информационных технологий, когда создание имиджей стало, можно сказать, отдельной индустрией, без работы в этом направлении не обойтись.

Теперь обратимся ко второму аспекту функционирования образа группы, связанному с его информационной составляющей. Для прояснения этой темы имеет смысл обратиться к теории стереотипа, точнее (учитывая большое разнообразие школ в этой области<sup>2</sup>), к когнитивистскому подходу к стереотипам, поскольку именно он занимается процессами переработки информации в нашем мышлении, в том числе и кодированием информации в относительно жесткие клише, т.е. стереотипы.

Заведомо оговоримся, что, хотя в обыденном сознании данное понятие воспринимается как негативное явление, искажающее образ объекта, современные психологи давно отказались от подобного понимания, обнаружив, что стереотипы являются не столько ложными, сколько специфическими ментальными конструкциями<sup>3</sup>.

Следует также отметить, что в последние несколько десятилетий когнитивистский подход к стереотипам заметно потеснил другие, более ранние попытки интерпретировать наличие в нашем мышлении подобных фиксированных шаблонов. Основы когнитивной модели стереотипов были заложены такими видными учеными, как уже упомянутый Г. Тэджфел<sup>4</sup>, Д. Гамельтон<sup>5</sup>, Р. Аксельрод<sup>6</sup> и др. Общим положением этого подхода в настоящее время является утверждение, что стереотипы являются естественными и нормальными проявлениями человеческой ментальной деятельности. Их возникновение и функционирование, с одной стороны, связаны с избытком информации, с которым современный человек неизбежно сталкивается и в условиях которого он неизбежно вынужден упрощать обилие поступающих сведений в простые, легко воспроизводимые из памяти и удобные в применении схемы. С другой стороны, функционирование стереотипов обусловлено повторяемостью повседневного опыта людей, когда употребление подобных фиксированных схем оказывается в принципе эффективно и протекает почти автоматически.

Обычно социальный стереотип – это образ какой-либо категории людей, выделяемой по этническому, профессиональному, гендерному и т.п. принципу. Соответственно выделяются этнические, гендерные стереотипы и стереотипы профессиональных групп. В данной статье нас, разумеется, интересует стереотип профессиональной группы, а именно стереотип ученого, хотя в принципе существенных различий между разными видами стереотипов с точки зрения механизмов их формирования и функционирования не существует. Различие состоит лишь в области объектов стереотипов. Также традиционно считается, стереотип содержит определенный фиксированный набор характеристик этнической, профессиональной, гендерной и т.п. группы. Поскольку этот набор приписываемых качеств ограничен, стереотип неизбежно связан с упрощением реальности. Причем специфика функционирования стереотипов такова, что они фактически нивелируют различия между разными элементами категории или отдельными индивидами, принадлежащими к одной профессиональной группе, приписывая им одни и те же стабильные и неизменные качества (процесс ассимиляции). Можно сказать, что стереотипы «гребут всех под одну гребенку» и в этой связи являются излишними обобщениями. Однако, как уже отмечалось, в настоящее время большинство ученых отказалось от трактовки стереотипа как однозначно ложного явления, склоняясь к мнению, что многие качества, приписываемые группе стереотипом, могут быть правдивы, а их знания весьма полезными.

Другими словами, стереотип ученого неизбежно предполагает, что, во-первых, все представители научного сообщества имеют сходные черты и в каком-то смысле похожи друг на друга. Само по себе нахождение сходства среди представителей одной профессии не является однозначной ложью, поскольку, весьма вероятно, именно профессия и привлекает людей сходного типа, развивая у них определенные сходные качества. Вместе с тем стремление зафиксировать свойство является лишь одной из точек зрения на реальность, и потому ее неизбежным упрощением, так как она игнорирует индивидуальные различия и уникальность каждого человека. Кроме того, фиксируя определенный набор личностных и профессиональных характеристик ученого стереотип фактически, делает незаметным другие, возможные, свойства его характера. В качестве примера, возьмем образы Жака Паганеля из романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» и Дока Эмметта Брауна из кинотрилогии Роберта Земекеса «Назад в будущее». Несомненно, мы имеем дело со стереотипом, учитывая существенное сходство между двумя героями, причем стереотипа весьма живучего, поскольку даты создания того и другого художественного персонажа разделяют более ста лет. Итак, что они из себя представляют Жак Паганель и Док Эмметт Браун? Они чудакваты, необычайно преданны науке, рассеянны, непрактичны, «витают в облаках», добродушны. Их странность сказывается на манере держать себя, говорить, т.е. на внешности.

Данный стереотип предрасполагает людей верить, что ученые именно такие. Весьма вероятно, что миллионы людей именно так и делают. Вместе с тем резонно будет предположить, что многие черты, свойственные ученым, остались, так сказать, за кадром. Собственно, так и работают стереотипы: подчеркивают определенные черты группы и сглаживают, затемняют другие.

Приходится признать, что при всем разнообразии подходов и концепций ученые до сих пор не выработали единой теории, объясняющей, почему происходит выделение одних характеристик группы и нивелирование других. Весьма вероятно, что, помимо собственно психических механизмов кодирования и декодирования информации, большую роль играют социально-культурные факторы, которые могут по-разному влиять на содержательную часть стереотипов. Впрочем, на данном этапе исследования этот вопрос не столь актуален. Значительно важнее выяснить, какие функции выполняет стереотип профессиональной группы в психике людей и как он влияет на их поведение.

Как уже отмечалось, представления о собственной группе влияют на самооценку людей. Однако спектр воздействия этих шаблонных представлений значительно шире. Для того чтобы прояснить этот вопрос, необходимо выделить авто- и гетеростереотипы, иначе говоря стереотипы о собственной группе и других группах, поскольку их действие несколько различно. Если гетеростереотипы используются человеком для ориентации в мире социального, например снабжая его сведениями

о новых людях, с которыми он сталкивается, то автостереотипы помимо этого функционируют в качестве своеобразного образца, эталона для членов сообщества. Другими словами, те качества, которые кодирует автостереотип, воспринимаются как желаемые, необходимые для полноценного вхождения в сообщество, как те, которые надо у себя развивать, чтобы быть «настоящим» членом группы.

Таким образом, эти характеристики приобретают качества ценностей. И с этой точки зрения роль стереотипов о собственной группе чрезвычайно важна, поскольку они демонстрируют членам сообщества определенные желаемые и одобряемые нормы и паттерны поведения. Разумеется, это не означает, что все члены сообщества ведут себя исключительно таким образом. Ранее мы уже касались этого вопроса, говоря о правдивости / ложности стереотипа: стереотипы могут быть правдивы, однако они содержат лишь «крупницу правды», а не истину в полном объеме. Теперь же в контексте изучения связи между стереотипами и ценностями, можно добавить, что и в том, и в другом случае речь идет о сфере желаемого и должного, об неких ориентирах, а отнюдь не о реальном положении вещей<sup>7</sup>.

В итоге, возвращаясь к образу российского ученого, можно еще раз сказать, что работа по его изучению и, далее, по целенаправленному формированию и поддержанию его позитивности чрезвычайно важна, потому что:

(1) позитивный образ или автостереотип повышают самооценку российских ученых, представляет научную деятельность более привлекательной прежде всего для самих ученых и тех, кто еще только стремится ими стать;

(2) демонстрирует представителям научного сообщества идеалы и ценности подлинной научной деятельности.

Конечно, касательно последнего пункта мы не будем отрицать, что стереотипы бывают разными. В конце концов, негативный стереотип – явление значительно более известное и изученное, чем позитивный. Несомненно, большое значение имеет группа, в которой распространен стереотип. Например, весьма вероятно, что аспиранты и студенты думают об ученых несколько иначе, чем они сами. Однако это означает лишь то, что негативные стереотипы об ученых следует изживать, а формирование позитивных всячески стимулировать, поскольку они, как уже отмечалось, имеют самое непосредственное отношение к субъективной стороне возрождения отечественной науки.

#### **Образ российского ученого по материалам «Вестника российской академии наук»: попытка реконструкции**

Не так давно Российской академией наук было опубликован ряд сборников под общим названием «Российская наука в лицах»<sup>8</sup>. Каждая из книг включала очерки об ученых, которые ранее были опубликованы в журнале «Вестник Российской академии наук» под рубрикой «Этюды об ученых». Как отмечает главный редактор «Вестника» академик

## ■ Наукоеведение

Ю.С. Осипов: «Упомянутый раздел журнала ведется редакцией свыше пятнадцати лет и пользуется популярностью как у авторов, так и у читателей. Речь идет о выдающихся отечественных исследователях, о научной элите, чье творческое наследие вошло в учебники, легло в основу дальнейших научных поисков, продолжается в трудах их нынешних последователей»<sup>9</sup>. Как свидетельствуют составители этих сборников, отличительная особенность этих книг – это авторы. Об ученых рассказывают сами ученые, специалисты в той области знания, в которой работали герои повествования<sup>10</sup>.

Данная публикация представляется превосходным материалом для изучения автостереотипа о российских ученых, бытующего среди научного сообщества. Она написана учеными об ученых, то есть является своеобразной самопрезентацией российского научного сообщества. Учитывая личность тех людей, о которых повествуют очерки, нет сомнения, что мы имеем дело именно с идеалами, с представлениями о том, какими российские ученые должны быть, на какие паттерны поведения должен ориентироваться, развивая их у себя или ожидая и приветствуя подобные качества у своих коллег. Также легко в общих чертах определить аудиторию данного издания: опять-таки это сами ученые. «Вестник академии наук» – профессиональный, а не популярный журнал. Также и созданные на его основе сборники, учитывая ограниченный тираж, явно предназначены не для массового, а для ограниченного круга читателей.

Итак, мы имеем дело с очерками, написанными учеными, которые создают идеальные образы великих ученых, которые будут читать другие ученые. Практически все эссе, помимо информации о научных заслугах и достижениях героя повествования, содержат много личной информации. Разумеется, объем сведений именно о личностных качествах ученого варьируется от очерка к очерку. В каких-то случаях даются подробные психологические портреты героев, в других – авторы ограничиваются сухим изложением фактов их биографии. Тем не менее даже скудость информации позволяла сделать определенные выводы о человеческих качествах героев повествования.

Процедура анализа текстов – относительно проста. Первоначально были отобраны все высказывания, касающиеся личности ученых. Затем, среди них были выделены ряд характеристик, наиболее часто встречающихся в текстах, что позволяло квалифицировать их как стереотипные, т.е. как устоявшиеся клише. Полученные результаты приведены в табл. 1. Частота упоминаний рассчитывалась исходя из отношения числа высказываний об определенном качестве или группе сходных качеств к числу очерков, принятому за 100 %. Таким образом, частота упоминаний показывает процент текстов, в которых какое-либо качество упоминается. Исключение составляют фактически две категории: «Организаторский талант» и «Трудолюбие и продуктивность», где было

выделено два показателя частоты упоминаний: эксплицитный и имплицитный. Несколько позже, при анализе каждой категории, мы еще вернемся к тому, почему это было необходимо.

**Таблица 1**  
**Личностные качества российских ученых**

| Качества                                       | Частота упоминаний |
|------------------------------------------------|--------------------|
| Служение Родине                                | 99,8               |
| Служение науке                                 | 100                |
| Нестыжательство                                | 83,4               |
| Политическая активность                        | 31,7               |
| Харизматичность                                | 75,1               |
| Страстная увлеченность своей работой           | 79,2               |
| Организаторский талант                         | 33,1 / 99          |
| Трудолюбие и продуктивность                    | 43,4 / 100         |
| Многогранность и неприятие узкой специализации | 37,8               |
| Раннее развитие                                | 81,5               |
| Преемственность                                | 66,7               |

На данном же этапе перейдем прежде всего, к основному выводу исследования, а именно, что сама по себе удивительная повторяемость определенных характеристик при описании жизни и работы разных людей свидетельствует о наличии определенного стереотипа ученого, который собственно, и побуждает авторов акцентировать внимание на этих чертах личности научных работников. В данном случае мы отнюдь не отрицаем, что герои сборников «Российская наука в лицах» не были трудолюбивы, харизматичны или преданы науке и Родине и т.п. Однако помимо этих общих характеристик сборники демонстрируют великое разнообразие творческих судеб российских ученых, ставших лицом российской науки. Наоборот, нам представлена череда необыкновенных, уникальных по своей сути людей. Более того, манера большинства авторов писать о них отличается своеобразием. Одним словом, мы имеем дело с практически нестандартизированными текстами. Поэтому то, что клише все-таки обнаруживаются, чрезвычайно важно и интересно. Поскольку они, как отмечалось выше, (1) свидетельствуют об определенных идеалах научного сообщества, об определенных требованиях к самим себе; (2) выполняют некоторую дидактическую функцию, прививая молодым членам научного сообщества определенные ценностные ориентиры.

Теперь перейдем к более подробному анализу выделенных категорий. Служение науке и служение Родине, пожалуй, самые распространенные характеристики российских ученых. Они идут практически параллельно, часто в формулировке «наука как служение Родине». В частности, этот тезис ярко проводится в статье о Д.И. Менделеева, считавшего свои труды по экономике «одним из трех главных направлений служения Родине, наряду с работами в области естествознания и преподавательской деятельностью»<sup>11</sup>.

Другими словами, ученый понимает всю свою профессиональную деятельность как служение. Причем употребление несколько устаревшего и эмоционально насыщенного слова «служение», на самом деле достаточно распространенного в этих текстах, только усиливает общее впечатление, что работа ученого – это не банальный, повседневный труд рядового обывателя, а некий духовный подвиг и акт подвижничества. Впрочем, достаточно часто встречаются и более эмоционально-нейтральные высказывания типа «преданность Родине и науке» и т.п. Однако при чтении текста складывается впечатление, что категория служения (и духовного подвига) является стержнем для всех остальных характеристик, поскольку российские ученые на ниве науки демонстрируют зачастую сверхчеловеческие способности и самоотдачу.

Столь же частая категория – нестяжательство, т.е. материальная незаинтересованность ученого, запрет на использование науки в качестве средства обогащения. Весьма вероятно, что она также тесно связана со служением. Софья Ковалевская, например, кается в том, что в какой-то период времени ее муж, и даже она сама, были захвачены «духом наживы и разных коммерческих предприятий». Разумеется, ученые «хотели только обеспечить себя материально, чтобы потом, не думая о хлебе насущном, заниматься наукой». Однако и в этом случае экономическая деятельность наказуема: будучи никудышным коммерсантом и запутавшись в долгах, муж Софьи Васильевны В.О. Ковалевский кончает жизнь самоубийством. Противоположностью этому негативному типу поведения явно противостоит неординарный поступок академика П.Д. Грушина, ученого, «целиком погруженного в работу», который отдает в середине 1980-х гг. все свои накопленные за несколько десятилетий сбережения на строительство в Химках Домашних техникумов<sup>12</sup>.

Между этими двумя полюсами своеобразной кары за грех стяжательства и подвигом бескорыстия ученого располагается множество вариантов более нейтральных форм неприятия «стяжательства» российской научной элитой. Например, академик А.А. Скочинский «совершенно не терпел людей, случайно или с материальной целью оказавшихся в научной среде. Человек, особенно с ученой степенью, ушедший из института ради более высокой должности, переставал быть ему интересен»<sup>13</sup>. В контексте изучения стереотипов значение имеет не то, что Скочинский поступал так или иначе, а тот факт, что об этой черте его характера помнят и воспроизводят ее в тексте.

Примечательно также, что при всем неприятии экономической деятельности политическая активность и ангажированность не только допускается, но даже приветствуется. В частности она не позволяет научным работникам закоснеть и стать «кабинетными учеными», как это было с М.М.Ковалевским, который уберется от «каби-

нетности» именно благодаря занятию политической, участию в работе I Государственной Думы и созданию политической партии<sup>14</sup>.

В прочем, как показано в таб. 1, категория «политической активности» не столь популярна и распространена, как многие другие. Здесь следует учитывать существенный нюанс, состоящий в том, что основной свой вес категория набирает за счет рассказов о политической активности будущих ученых в дореволюционной России. Не исключено, что это является данью советской традиции составления подобных биографий, когда «революционное прошлое» было неотъемлемым атрибутом и залогом благонадежности всех видных общественных деятелей страны. При переходе к периоду советской власти вопрос о политической активности становится двусмысленнее. Можно обнаружить несколько печальных упоминаний о том, что некоторые ученые были под следствием, сидели, были реабилитированы и т.п. Однако в подавляющем большинстве случаев вопрос об отношении героев «Российской науки в лицах» с властью вообще обходится стороной. Между тем совершенно очевидно, что директора научных институтов, центров и лабораторий, причем зачастую нескольких, вряд ли позволяли себе абстрагироваться от политических реалий Советского Союза. В этом случае умолчание не менее характерно и значимо, чем упоминание.

Категория «харизматичности» является сконструированной. В общем смысле она подразумевает личное обаяние, незабываемое впечатление, которое ученые производят на окружающих. На деле, однако, харизматичность может проистекать из различных личностных свойств. Это может быть яркость, красноречие, недюжинная эрудиция и ораторские способности или, наоборот, замкнутость, скупость на слова, когда харизма ученого, можно сказать, проливается исподволь и поражает собеседника тем более неожиданно, благодаря, например, умению входить в детали и основательности скупых суждений. В нашем случае важно другое: ученые такого уровня в большинстве своем поражают воображение наблюдателя.

Представляется, что категория «страстности» в достаточной мере связана с «харизматичностью» и является одной из причин подобной непреодолимой власти ученых над окружающими. Страстность проявляется в двух ракурсах. Прежде всего, она заявляет о себе как страсть к науке, деятельность которой соизмерима с реализацией заветной детской мечты. Возьмем, к примеру, портрет А.В. Новоселовой. Она учится на медицинском факультете МГУ и подрабатывает воспитателем в детском саду. Однако быстро понимает, что совершила ошибку в выборе профессии. Оказывается, ей не дает покоя давняя мечта «заняться всерьез естественными науками, в частности химией». Теперь она учится на химическом факультете и подрабатывает препаратором. Однако благодаря способно-

сти рано распознать свое истинное призвание, А.В. Новоселовой уготовано блистательное будущее на ниве российской науки. Как подчеркивает автор очерка, «она любила химический эксперимент. Все свободное время вместе с сотрудниками Новоселова проводила в лаборатории, выполняя то или иное исследование»<sup>15</sup>. Те же черты обнаруживают у себя Н.Х. Бунге, который «страстно любил науку и верил в силу знания. Просвещенный, он жаждал, чтобы просвещение распространилось по русской земле, к которой он относился с искренним, горячим патриотизмом»<sup>16</sup>. И подобная страсть к науке, как отмечалось, характерна для подавляющего большинства ученых.

Второй ракурс «страстности» проявляется в своеобразной, явно повышенной энергетике ученых. Часто, например, отмечают их кипучий нрав, удивительную энергию и т.п. Не исключено, что именно эта энергетика во многом обеспечивает харизматичность рассматриваемых нами персонажей. Одновременно, весьма вероятно, именно здесь следует искать переход к следующей категории – «трудолюбие и продуктивность», поскольку очевидно, что, не испытывая страсти и не обладая сверхспособностями, работать столь много и столь плодотворно обычные люди просто не могут. Примеры, в данном случае, демонстрируют общее правило. Академик Д.С. Рождественский, сам и его сотрудники, приходят на работу до официального начала рабочего дня и работает до 10–12 часов вечера<sup>17</sup>. Академик И.Н. Назаров работает до глубокой ночи, в том числе и в периоды официального отпуска, принося в начале осени в институт «листы... с новыми идеями и планом работы»<sup>18</sup>.

Впрочем, данная категория выделяется авторами «Российской науки в лицах» далеко не всегда. Объясняется это, видимо, тем, что перечисление заслуг академиков представляется достаточным доказательством их продуктивности и трудолюбия. Это действительно люди очень много работавшие и достигшие. Дополнительные уточнения во многих случаях излишни. Поэтому мы позволили указать два показателя этой категории: (1) эксплицитный, когда авторы явно указывают на наличие данного качества; (2) имплицитный, когда наличие этого качества подразумевается в тексте.

Это же касается и категории «организаторский талант». Она представлена, хотя и не так часто, в эксплицитном и, гораздо чаще, в имплицитном виде, поскольку большинство героев «Российской науки в лицах» – это создатели и руководители институтов, лабораторий, кафедр и научных обществ и т.п. Без сомнения, они обладали неординарными организаторскими способностями.

Следующая категория «многогранность и неприятие узкой специализации» явление достаточно своеобразное, поскольку, учитывая все увеличивающуюся специализацию современной науки, от ее представителей следовало бы

ожидать аналогичной спецификации. Однако этого не происходит. Подобно «страстности», категория «многогранности» имеет несколько ракурсов. Во-первых, она может выражаться в увлечении и плодотворности ученого несколькими научными направлениями. А также масштабности видения и понимания своей темы. Например, Н.Н. Бурденко не только сумел охватить широкий круг собственно медицинской проблематики (лечение туберкулеза, протезирование, ревматология, стандартизация медицинских инструментов и больничного оборудования и т.п.). В поле его зрения оказалась также история, в частности ранение на дуэли А.С. Пушкина и его лечение, а сделанный Бурденко доклад в Академии наук на эту тему вызвал большой общественный интерес<sup>19</sup>. Во-вторых, в общей широте кругозора и увлечении другими, несвязанными с наукой, видами деятельности, например литературой и искусством. Третий ракурс «многогранности» российского ученого в каком-то смысле противоположен предыдущим и связан со стремлением и умением входить во все детали процесса научного исследования и открытия, с пренебрежением любой, даже самой грязной и мелкой, работой. Пожалуй, самый яркий пример – это уже упомянутый академик Рождественский, который, не гнушаясь ничем, «не дожидаясь водопроводчика», чистит раковину от засора в лаборатории своего коллеги. «Все, что можно делать, надо делать самому», – завершает он эту сцену напутственным замечанием<sup>20</sup>. Однако во многих других очерках описываются ученые, которые самостоятельно, невзирая на ранги, ездят в исследовательские экспедиции, собирают приборы, посещают заводы и беседуют с простыми служащими. Можно сказать, что именно личность такого ученого выступает в качестве связующего звена между верхними и нижними этажами всего здания российской науки, между теорией и практикой. Эта черта также оберегает настоящего ученого от пресловутой «кабинетности», оторванности от реальной жизни, которая, как отмечалось, совершенно не приемлется подлинной российской наукой.

Последние две выделенные черты российского ученого, связаны с этапами его развития и становления. В первом случае – «раннее развитие», что, очевидно, указывает на раннее проявление талантов. Это может быть раннее проявление интереса к сфере последующих научных интересов. Либо же, что встречается несколько чаще, общий успех на ниве начальной и среднего образования, проявляющийся в яркости, неординарности, заметности. Вторая категория – «преемственность» - указывает на связь молодого ученого с уже сложившимися научными традициями. Это может быть приход в известную лабораторию, центр, встреча с именитым учителем. Другими словами, речь идет о блестящей научной среде, которая на достаточно раннем этапе окружает молодого ученого и способствует его дальнейшему становлению.

Важно подчеркнуть, что ученый не только сам формируется внутри научного сообщества, но и сам, уже став заслуженным деятелем российской науки, способствует поддержанию научной преемственности, всецело отдавая себя преподаванию, которое наряду с научной деятельностью также считается делом весьма почетным.

### Выводы и перспективы

Разумеется, как отмечалось, образ русского ученого, который мы реконструировали в данной статье, имеет свою специфику. Использованные нами очерки об ученых из выпусков «Российская наука в лицах» посвящены неординарным, выдающимся деятелям российской науки. Поэтому создаваемый ими образ явно имеет характер идеала, а не портрета рядового работника научного учреждения. Итак, идеальный образ русского ученого изображает необыкновенно яркого, харизматичного человека, воспринимающего свою профессиональную деятельность как бескорыстное служение науке и Родине. Он не чужд общественно-политической активности, однако использование науки как средства личной наживы (вместо бескорыстного служения) вызывает в нем только чувство негодования. С юных лет его отличали одаренность, особый интерес к знаниям, выделявшие его из числа сверстников и способствовавшие его продвижению по карьерной лестнице.

Этот человек чрезвычайно энергичен, активен, трудолюбив и плодотворен. Его отличает масштабное видение перспектив разрабатываемой им области науки, глубина обобщений и в целом широкий кругозор. Менее всего он похож на кабинетного работника или пустого теоретика. Этому препятствуют его личные характеристики, умение спускаться с высот теории до самого низкого уровня научно-исследовательского процесса, а также его способность совмещать теорию и практику, чему способствуют учреждаемые им научные институты, лаборатории и т.п.

Без сомнения, этот идеальный образ способствует повышению общей самооценки современных российских ученых старшего поколения и может служить образцом для подражания для более молодых научных кадров. В свете заявленного еще в начале данной статьи положения о субъективной стороне возрождения отечественной науки следует еще раз подчеркнуть, что всяческая популяризация подобного идеального образа русского ученого как внутри научного сообщества, так и за его пределами весьма полезна. Поскольку она способствует повышению престижа российской науки и профессии ученого, без чего дальнейшее развитие науки затруднительно, если вообще возможно.

Однако, завершая размышление об образе русского ученого, хочется не только подвести итоги проделанного исследования, но и наметить некоторые новые направления работы,

которые будут способствовать более глубокому пониманию роли ученого в российской исследовательской культуре. Прежде всего, речь идет об изучении не только идеального образа ученого, реконструированного на основе биографий корифеев отечественной науки, но и, так сказать, его повседневного образа, основанного на представлении современных научных работников о себе подобных. Сопоставление двух этих образов позволит получить интересный материал о соотношении идеалов и реальности современной российской науки. Существует ли сходство между идеальными требованиями к личности ученого и его реальными воплощениями? Или мы имеем дело с недостижимыми образцами? Несомненно, эти вопросы заслуживают ответа.

Другой ракурс исследований образа русского ученого связан с сопоставлением этого образа с аналогичными образцами, бытующими в других культурах мира и среди научных сообществ других стран. Подобное направление работы позволило бы выявить национально-культурную составляющую тех характеристик, приписываемых ученым. Являются ли такие свойства, как нестяжательство, восприятие работы как служения и духовного подвига, харизматичность и т.д., неотъемлемыми интернациональными качествами профессии ученого или же мы имеем дело с проявлением собственно русской культуры, накладывающей свой отпечаток на культуру отечественной науки? Несомненно, и этот вопрос представляет большой интерес для дальнейшего изучения российской исследовательской культуры и того, как в принципе работает российская наука.

Разумеется, намеченные здесь перспективы являются ориентацией на будущее, и их разработка требует времени. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что изучение образа ученого представляется перспективным направлением исследования, позволяющим понять, во всяком случае в определенном (психологическом) аспекте, принципы и особенности развития российской науки. Тогда как дальнейшая работа в этом направлении позволит еще глубже изучить личностные и культурно-психологические основы российских исследовательских традиций, что в целом будет способствовать дальнейшему возрождению отечественной науки.

**Medvedeva S.M Scientists About Scientist: Reconstruction of the Image of Russian Scientist Based on Journal of Russian Academy of Science.**

**Summary:** The article analyzes a stereotypical image of Russian scientist, published in a range of books of Russian Academy of Science. This image represents a construction of an ideal Russian scientist, who possesses the most desirable personal characteristics and reflects values of Russian scientific community. The article stresses, that popularization of such an image would contribute to rise of prestige of Russian science and profession of scientist.

**Ключевые слова**

Наука, ученый, образ, социальный стереотип, научное сообщество, культура.

**Keywords**

Science, scientist, image, social stereotype, scientific community, culture.

**Примечания**

1. Tajfel H. Human Groups and Social Categories. - Cambridge., Cambridge University Press, 1981.
2. Подробнее о различных теориях стереотипов см.: Медведева С.М. Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. М.: МГИМО(У), 2005.
3. Подробнее см., напр.: Шихерев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+; Академические проект, 1999; Stereotyping and Prejudice: Changing Conceptions / D. Bar-Tal et al. – N.Y., Springer-Verl., 1989.
4. Tajfel H. Cognitive Aspects of Prejudice. – J. Of Social. Issues. – 1969, 4; Tajfel H., Forgas J. Social Categorization: Cognitin, Values and Groups / Social Cognition: perspectives on Everyday Understanding / Forgas J. (Ed.) – London etc., Academic press, 1986.
5. Hamilton D., Sherman J. W. Illusory Correlation: Implications for Stereotype Theory/ Stereotyping and Prejudice: Changing Conceptions / D. Bar-Tal et al. – N.Y., Springer-Verl., 1989; Hamilton D., Sherman J. W. Stereotypes / Handbook of Social Cognition. V.2 – Hillsdail, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1994.
6. Axelrod R. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition. / The American Political Science Review. – 1973, V. LXVII, 4. – P. 1248 – 1279.
7. По поводу связи стереотипов и ценностей см.: Rokeach M. Beliefs, Attitude and Values: A Theory of Organization and Change. – San Francisco, Jossey-Bass Inc. Publishers, 1972.
8. Российская наука в лицах. Выпуск 3, 4. М.: Arademia, 2004, Российская наука в лицах. Выпуск 5 , 6. – М., Arademia, 2009.
9. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 7.
10. Российская наука в лицах. Выпуск 4. М.: Arademia, 2004. С. 1.
11. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 40.
12. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 24.
13. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 86.
14. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 36.
15. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 405-406.
16. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 17.
17. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 136.
18. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 47.
19. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 142-143.
20. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 137.